

Драко придержал дверь в библиотеку для своей коллеги и смотрел, как она проходит мимо него. Волосы, над которыми он насмеялся годами, были убраны в косу, которая пыталась сдержать ее кудри, но при этом делала ее до смешного похожей на ребенка. Какими бы ни были недостатки Гермионы Грейнджер, чрезмерное женское тщеславие к ним не относилось. Как и трусость, подумал он про себя. Он знал, что она до абсурда храбра в серьезных делах. Война дала это понять. Теперь он видел, что она храбрится и в мелочах.

Он не ожидал, что она извинится.

Черт бы побрал ее за то, что она оказалась более сильной личностью.

Он чувствовал, как сжимается его челюсть, когда он заставлял себя завязать разговор, пока они шли. Он не собирался позволять ей быть скромной, любезной и приятной, а потом хмуриться, как ребенок. "Какая ваша любимая пьеса?" - спросил он.

Она остановилась и недоверчиво посмотрела на него.

"Шекспир", - сказал он, как будто она была медлительной. Он уже жалел о своем решении попытаться завязать с ней разговор, будь прокляты манеры. "Какая ваша любимая пьеса?"

Она снова начала ходить, а потом ответила: "Я не читала их все".

"Никто не читал "Тимона Афинского", - сказал Драко.

Это вызвало у нее смех. "Или Кориалануса", - согласилась она. Она наклонила голову, и он подумал, не собирается ли она просто не отвечать, ведь она так долго ждала, но, по крайней мере, она сказала: "Я знаю, что очевидным ответом будет "Гамлет" или "Мидсуммер", но мне всегда нравилось "Много шума". Это банально и весело, и вы, конечно, знаете, что с того момента, как они начинают спорить, они в конечном итоге будут вместе, но..."

"А вот наблюдать за тем, как они к этому придут, - самое интересное", - сказал Драко. "Тебе бы хотелось романтики". Он распахнул перед ней дверь в столовую, она пробормотала обычное спасибо, и Драко на мгновение задумался о том, что в какой-то момент им обоим вбили в голову автоматическую вежливость, и они даже не задумывались об этом. "Как вы прочли столько пьес?" - спросил он, придерживая ее стул. "Это нормально для магглов?"

"А как вы?" - спросила она.

"Гувернантка", - повторил он. "Мисс Бишоп считала, что только Бард имеет значение".

"Это кажется удивительным", - сказала Гермиона.

Драко неожиданно заговорщицки ухмыльнулся. "Дайте мне минутку", - сказал он и, подойдя к буфету, приготовил для них обеих тарелки с бутербродами и чипсами. Опустившись на место рядом с ней, он начал объяснять. "Я был немного избалованным ребенком", - начал он. Она грубо фыркнула, и он наклонил голову, прежде чем продолжить. Я был склонен испытывать терпение персонала, и, по-моему, женщина до мисс Бишоп сказала, что никакие деньги не стоят того, чтобы пытаться сдержать "это ужасное чудовище".

"Я сочувствую гувернантке", - сказала Гермиона.

"Я потрясен", - сказал Драко. "Мисс Бишоп была единственной, кто подал заявку на эту должность после того случая. Видимо, до меня дошли слухи, и мои родители наняли ее на одни летние каникулы, прежде чем поняли, что она магглорожденная".

Когда он это сказал, бутерброд Гермионы был уже на полпути ко рту. Он наблюдал, как она опустила его и повернулась на своем месте. "Значит, она учила тебя маггловской классике", - сказала она. "Твои родители узнали об этом?"

"Они ее уволили", - сказал Драко. Он не стал упоминать о том, что после ухода этой женщины ему было велено забыть всю ту ерунду, которой она засорила его голову, и что его мать наняла профессиональную уборщицу, чтобы та прочесала все комнаты, в которых она бывала. Он спас несколько книг, в основном из злости на то, что его любимая гувернантка в один прекрасный день просто исчезла, и перечитывал их, когда запирался в своей комнате, чтобы не попасться на глаза Пожирателям смерти. Ирония судьбы не ускользнула от него. Оглядываясь назад, он задавался вопросом, какое отчаяние заставило эту женщину согласиться на работу с людьми, которые наверняка будут презирать ее, если ее прошлое станет известно. Он полагал, что она давно мертва.

"Естественно, - сказала Гермиона и вернулась к своему сэндвичу. Откусив несколько кусочков, она сказала: "Большинство магглов нашего возраста не читали столько, сколько читала я. Просто... у меня в детстве было не так много друзей, и я была несколько вспыльчивой. Когда я уезжала домой на летние каникулы, я в основном читала".

Драко кивнул. Он вспомнил, какой она была на первом курсе; это задало тон его неприязни к ней. Она была умна и отчаянно пыталась доказать это. Он подозревал, что даже преподаватели находили ее раздражающей; ему хотелось втоптать ее в грязь почти каждый раз, когда он оказывался рядом с ней. Когда она наконец нашла друзей, то была почти фанатично предана им, что означало, что она настроилась против него еще сильнее, чем это можно было предположить, исходя из их естественной лояльности к дому и его предрассудков. Враги с самого начала.

"Что тебе больше всего нравилось?"

"Играть?" спросил Драко, просто чтобы убедиться. Когда она кивнула, он пожал плечами. "Титус".

Она посмотрела на него с ужасом, и он пояснил. "Это дало мне контекст. Война порождает жестокость. То, чем я был... это не было уникальным. Это был человек". Он опустил голову и сказал так тихо, что она вряд ли его услышала. "Я был человеком". Когда Драко Малфой произнес слово "Тит", Гермиона почувствовала, как по позвоночнику поползли мурашки ужаса. Тит Андроник" - это не та пьеса, с которой кто-то должен себя отождествлять. Подавившись остатками бутерброда и услышав шепот "Я был человеком", она хотела пойти в свою комнату и заплакать. Вместо этого она облизала губы, съела чипсы и взяла его тарелку, чтобы убрать за собой, когда обед будет закончен.

"Думаю, к ужину я должна убрать оставшиеся книги по трансфигурации", - сказала она, когда он придержал дверь. "Тогда я смогу помочь тебе разобраться, и мы закончим всю секцию".

"Следующая арифмантия?" - спросил он, когда они шли по пустынным коридорам. Даже за те несколько дней, что она провела здесь, был виден прогресс. Работа в библиотеке была медленной и трудоемкой по сравнению с тем, как магия могла восстанавливать стены и укреплять разрушенные башни. Они с Малфоем занимались мелочами, которые никому не были нужны, в то время как показушные задания раздавали бригадам Министерства с репортерами "Ежедневного пророка", внедренными в их среду. Сейчас она указала на окно, и Малфой остановился, чтобы посмотреть, как фотограф запечатлевает группу хорошо одетых волшебников, закладывающих краеугольный камень в основание нового поля для квиддича.

"Приоритеты", - сказала она.

"Хочешь, чтобы тебя сфотографировали?" - спросил он.

"Нет", - вздрогнув, ответила она. Меньше всего ей хотелось снова попасть в газеты. Она даже не позаботилась о том, чтобы ей переслали сюда подписку. Она просто не хотела больше ничего знать. "Ты?"

"Если они возьмут мою фотографию, то это будет сопровождаться статьей о том, как МакГонагалл сошла с ума, доверив мне помощь в перестройке", - сказал Малфой. "Я бы предпочел избежать этого". Он отошел от окна. "Следующая секция арифмантики?" - снова спросил он.

"Джентльменский выбор", - сказала Гермиона.

"Боюсь, у вас под рукой нет ни одного из них", - сказал он. Он начал уходить, но она остановила его, положив руку ему на плечо. Он вздрогнул от прикосновения, но она не отдернула руку.

"Малфой, - сказала она, расстроенная тем, что не знала, как сказать это так, чтобы не показаться дурой. "Кем бы ты ни был и чем бы ни был, ты точно не... ты....". Она вздохнула, сдалась и потерла лицо руками. "Арифмантия в порядке", - пробормотала она.

"Ты пыталась сказать обо мне что-то хорошее?" - спросил он, и она с раздражением выдохнула

и направилась в библиотеку. Малфой последовал за ней, превратившись от удовольствия в более привычного для него болвана. "Ты не можешь найти ни одной приятной вещи, чтобы сказать? Давай я покажу тебе, как это делается". Он остановился и прочистил горло, и она повернулась, чтобы посмотреть на него. "Ты не так уж плохо выглядишь с этими косами, как большинство девушек", - сказал он тоном полной и абсолютной серьезности, которую лишь отчасти скрывала ухмылка на его лице и драматическое положение руки над сердцем.

Она открыла рот, чтобы отчитать его, но тут ее глаза расплылись в ухмылке чистого озорства, совпадающей с его. "Ты стал менее неприятно высокомерным, чем в пятнадцать лет", - сказала она.

Драко Малфой снова начал ходить. "А вы, - сказал он, - не так уж несведущи в литературе, как я мог предположить".

"Поразмыслив, я не нахожу бледный цвет твоих глаз и кожи совершенно отталкивающим", - ответила Гермиона.

"Вы, по крайней мере, наполовину так умны, как думаете", - сказал он.

"На три четверти", - ответила она.

"Что?" спросил Драко.

"Я, по крайней мере, на три четверти умнее, чем мне кажется", - пояснила она.

Драко начал смеяться. "В сортировке книг ты разбираешься лучше, чем обычная девушка", - предложил он.

"А твои манеры не так плохи, как у обычных мальчиков", - сказала она, пытаясь сдержать хихиканье, которое грозило вырваться из ее горла.

"Ну, - сказал он, - ты встречалась с Уизли. Возможно, твои стандарты не так уж высоки".

Она почувствовала себя так, словно он пнул ее, и все следы веселья исчезли. Должно быть, он почувствовал перемену, потому что перестал идти и посмотрел на нее. "Черт", - сказал он. "Мне очень жаль".

"Все в порядке", - сказала она, открывая дверь в библиотеку. "Не думай ни о чем. Арифмантия подойдет для следующей секции; я только приведу в порядок остальные книги по трансфигурации, а потом начну помогать тебе разбираться".